Железный ангел

Подготовка к первому боевому вылету началась, как и всегда, ночью. По хриплому крику петуха, живущего у мотористов под печкой и прозванного «живой Мозер», бойцы наземной службы дружно выбежали умываться снегом, а второй крик застал их у самолетов.

Под густыми елками, обступившими аэродром, затрепетало таинственное, красноватое пламя подогревательных печей.

Подтаскивая небольшие бомбы, сизые от инея, забегали оружейники. Они забирались на крылья и под крылья, то набивая патронные ящики, то проверяя разноцветные ветрянки взрывателей, похожие на елочные украшения.

К рассвету лес наполнился сдержанным гулом моторов, и инженер доложил командиру:

— Самолеты готовы!

Вместе с зарей вышли на аэродром наши лейтенанты. Пышные меховые комбинезоны придавали им вид богатырей. Они шагали неторопливо, сказочно появившись прямо из скалы. Утепленная палатка была замаскирована так, что казалась продолжением скалистого берега. Волшебство торжественного выхода нарушил Горюнов. Самый маленький из лейтенантов, он поспешил за всеми смешной медвежьей рысцой.

Вдруг из палатки выскочила такая же маленькая девушка в белом переднике, повязанном поверх полушубка, и крикнула звонко на все озеро:

— Сашка, ты опять не допил какао!

Шеренга летчиков дружно расхохоталась, смущенная девушка нырнула обратно в палатку, а Горюнов стал пунцовым, как заря.

Его голосистая сестренка Валя, приехавшая на фронт вместе с военторговской столовой, доставляла ему одни неприятности.

Мотористы вылезли из кабин, уступая летчикам нагретые сиденья, и поползли под самолеты выбивать колодки из-под колес.

В воздух взвилась красная ракета. Винты взвыли, крупчатый снег полетел в лица мотористов. Машины задрожали и сдвинулись с места. Маскировочные елки стали валиться, лес расступился. Девятка самолетов стремительно

вынеслась на старт и ушла в небо с сердитым ревом. Мотористы проводили взглядом своих друзей и пошли в палатку.

— Кому кофе, кому какао? — предлагала Валя певучим голоском, устроившись с двумя термосами за ящиком из-под бомб, как за буфетной стойкой.

Но, прежде чем добраться до вкусных напитков, многие попадали в руки строгой Веры Ивановны, военного врача. Пожилая женщина обращалась с бойцами, как с детьми.

Внимательно всматриваясь в них, она то и дело хватала кого-нибудь за рукав:

— Щека! Подбородок! Нос! — кричала она и выталкивала обмороженного из палатки.

Ее жертвы возвращались красные как раки. Вера Ивановна мазала вазелином поцарапанные снегом физиономии.

Работать в такие морозы на полевом аэродроме было поистине непрерывным подвигом, но сами мотористы не считали геройством свой незаметный, кропотливый труд.

Мотористы, как оруженосцы, ревниво оберегали честь и воинскую славу своих летчиков. Они устраивали целые словесные бои, в которых уточнялось количество сбитых самолетов, количество пробоин, каждое проявление воинской хитрости, доблести и мастерства.

Прихлебывая кофе, Скориков заявил:

— Ничего был боишко — мой привез семь пробоин. Три в плоскости, две в хвосте...

— В хвосте? — воскликнул Чалкин. — Да я таких и не считал! У моего семь пробоин в фюзеляже ....

— Извиняюсь, больше всех в этом бою сбил Володя, все же признают... А пробоины — это не показатель...

Вступили и другие мотористы. Только Суханов молчал, словно Горюнов, его летчик, и не участвовал в воздушном бою. Валя знала, что брат ее — храбрец из храбрецов. Даже в газетах написали, какой он герой. А Суханов, этот тюфяк, хоть бы слово...

Валя бросила как бы невзначай:

— Жора, а сколько пробоин было в самолете Горюнова?

— Ни одной, — лаконично бухнул Суханов.

— Что же, в него пули совсем не попадают?

— Нет.

Неразговорчивый моторист занялся бутербродом. Валя прикусила губу. Ей во что бы то ни стало захотелось привлечь общее внимание к брату.

Воспользовавшись паузой в разговоре, она сказала:

— Мой брат с детства был бесстрашным. Когда над нашим городом, над Ливнами, пролетел самолет, он увидел и решил летать. Сделал себе крылья да и прыгнул с бани в овраг... Ну и, конечно, носом в землю... Мама подбегает в панике: «Ты что, разбойник, выдумал? Ты кто такой, чтобы летать?» А Саша утирает кровь из носа и говорит: «Я ангел!»

— Поэтому в него и пули не попадают! — подхватил Скориков.

Вокруг рассмеялись.

Но вот кто-то взглянул на часы, и веселье в палатке кончилось, все устремились на аэродром.

Множество раз провожали мотористы в боевые вылеты своих летчиков и каждый раз приходили в волнение, когда стрелки часов приближались к той роковой минуте, на которой кончался у вылетевших запас бензина.

Все глаза устремлены в небо, большинство — на запад. Но обязательно кто-нибудь просматривает и юг, и восток, и север: должны же они откуда-то появиться.

— Летят! Летят!

Все головы повернулись туда, куда указывала рука Скорикова. Там, в облаках, показалась чуть заметная точка, она превратилась в черточку, затем в птичку и, наконец, в самолет. Стоило показаться одному, как за ним появлялись другие. Начался громкий счет. Всегда кажется, что одного недостает. Успокаиваются только тогда, когда кто-нибудь уверенно крикнет:

— Все!

Тогда отлегает от сердца. Мотористы бросаются к заправщикам, оружейники —

к складам боеприпасов: у каждого находится дело.

Но на этот раз магического слова «все» никто не произнес. Одного самолета не было.

Валя вышла из палатки и привычно оглядела аэродром. Бойцы стартовой команды затаскивали самолеты под деревья, летчики стояли, окружив командира эскадрильи Муразанова. На аэродроме было пустынно. Но посреди пустого озера, исчерченного лыжами, одиноко стоял Суханов.

Валя поглядела на него, затем на Веру Ивановну.

— Что случилось?

Суханов стоял в неестественной позе, неподвижно глядя в одну сторону.

Все мотористы, оружейники, летчики старались не замечать его. Валя побоялась посмотреть на то место в лесу, где в уютном гнезде из елок обычно стоял самолет ее брата.

— Летчики идут в палатку, — прошептала побелевшими губами Вера Ивановна. — У тебя все готово?

Когда летчики вошли, Валя встретила их знакомым:

— Кому кофе, кому какао!

Она пытливо смотрела в глаза, но летчики избегали ее взгляда. Они брали стаканы и молча прихлебывали горячий напиток, согревая руки.

Никто не произносил ни слова. Первый раз вернулась эскадрилья, потеряв товарища. Из каких боев невредимыми выходили, а здесь...

И что случилось с Горюновым? Штурмовка была небольшая. Враги почти не стреляли. Но, когда самолеты развернулись и пошли обратно, машина Горюнова скользнула вниз и исчезла в лесном массиве на территории противника.

Это случилось так неожиданно, что истребители не успели даже заметить место гибели товарища.

Один за другим летчики, согнувшись, вышли из палатки.

На озере неподвижно стоял Суханов.

Муразанов зашел в командный блиндаж и долго слушал, как связисты пытались по многочисленным проводам узнать что-нибудь о Горюнове.

— «Африка», «Африка», — спрашивал один, — у вас упавший самолет не замечен?

— «Австралия», слышишь, «Австралия», у нас не вернулся один летчик...

Из «Европы» сообщили, что на их участке упал бомбардировщик, но чужой. В «Азии» оказалась испорченной связь, решили запросить позднее.

Казалось, все материки встревожены судьбой пропавшего. В военной сводке в этот день сообщалось: «Один наш самолет не вернулся на свой аэродром».

Короткий зимний день быстро стушевался. Под елками затихли моторы самолетов. Летчики ушли с аэродрома. Разводящий расставил секреты, и сумерки перешли в ночь.

А Суханов все стоял и смотрел на бледную полоску зари.

Наконец охрана велела ему уйти. Моторист машинально побрел прочь. Ноги привели его в гнездо, где обычно ночью стоял его самолет. Здесь все напоминало о пропавшем. Прислоненные к живым деревьям, стояли срубленные елки, которыми Суханов маскировал самолет, в стороне лежал стеганый капот для зачехления мотора и колодки из-под колес, словно ночные туфли самолета. Проталины от горячего масла темнели на снегу. А на сугробе была нарисована рожа, и под ней начерчено: «Суханыч». Это рисунок Саши.

Суханову стало нестерпимо грустно в этом осиротевшем гнезде, и он побрел в бревенчатую избу, где ночевали летчики.

В этот вечер летчикам не спалось.

Странно все это произошло. Вылет был самым обычным. Целый час носились, никого не встретив ни в воздухе, ни на земле. Наконец, разыскали небольшой эшелон, затаившийся в выемке между скал. Все вагоны были окрашены под скалы, засыпанные снегом. Но все-таки различили их и начали бомбить. Стали разбегаться солдаты. А когда эшелон был уничтожен и Муразанов собрал всех летчиков в строй, Горюнов летел на своем месте, во втором звене. Потом он почему-то отстал и скользнул вниз, как замерзшая на лету птица. Похоже, что у него сдал мотор.

И тут все вспомнили неразговорчивого, неповоротливого моториста, от которого больше, чем от вражеских пуль, зависела жизнь Горюнова.

Когда вошел Суханов с блуждающим взглядом, с красными пятнами на лице, все невольно подумали: «Может, он виноват, недосмотрел за машиной?»

Суханов стал расспрашивать о Горюнове. Ему отвечали неохотно и односложно, и он ушел.

Жизнь словно не хотела мириться с потерей молодого и веселого Горюнова. Она напоминала о нем многими неоконченными делами.

Вот в жилье летчиков пришел письмоносец. Это был самый желанный человек. Летчики жадно расхватали письма, но общая радость сразу исчезла, когда письмоносец спросил:

— А где Саша?

Его невинный вопрос показался глупой и оскорбительной выходкой. Летчики промолчали. Письмоносец смутился и вышел, положив на кровать Горюнова два письма и телеграмму.

Потом пришел сапожник и стал раздавать подшитые унты, зачиненные меховые перчатки. Он принес высокие кожаные сапоги, на которых Горюнов попросил набить медные подковки, найденные Сухановым в сарае.

Сапожник постучал подковками и сказал:

— В два века не износить. А где ж хозяин?

Могло показаться, что этих людей кто-то нарочно подсылает, чтобы терзать летчиков.

Пришел Муразанов. Не глядя на товарищей, он быстро забрал письма и телеграмму с кровати Горюнова, задвинул под нее сапоги и увернул лампу, приказав всем спать.

Суханов провел эту ночь, не сомкнув глаз. Ему никто и не намекнул, что Сашу могла погубить какая-то неисправность в моторе, — эта мысль закралась в душу сама. Суханов гнал ее прочь. Он множество раз вспоминал, как проверил, опробовал мотор перед вылетом, как осмотрел всю машину, обратил внимание на каждый трос, как пролезали его пальцы в теснины ледяного металла, пробуя зазоры прерывателя магнето. Нет, не может быть, чтобы Саша погиб из-за его оплошности. И все же сомнение терзало душу.

Как отверженный, бродил Суханов и, наконец, вышел к штабному блиндажу, где у стонущих проводов бодрствовали связисты. Его не прогнали. Суханов уселся в сторонке. Неожиданно по телеграфному аппарату пришла весть о Горюнове. Сейчас же телеграфист перевел ее подошедшему начальнику штаба.

«Азия» сообщала «Ястребу», что в таком-то квадрате совершил вынужденную посадку самолет. На хвостовом оперении — № 3. Пилот признаков жизни не подает. Самолет находится на открытом простреливаемом пространстве между позициями, ближе к противнику. Подойти невозможно. Целесообразно уничтожить артогнем...

— Постойте, — сказал начальник штаба. — Суханов, — позвал он, — прочтите.

Моторист прочел.

— При каких обстоятельствах бывают такие посадки?

— Возможно, вышел бензин...

— Или отказал мотор?

— Товарищ капитан, разрешите отправиться к самолету, я проверю! — сказал Суханов.

Начальник штаба пристально посмотрел на мотористa.

— Хорошо, товарищ старшина, — сказал он, — включим вас в аварийную команду... Возможно, удастся эвакуировать машину с поля боя, и тогда разъяснится, по чьей вине произошла вынужденная посадка.

— Так точно, — машинально сказал Суханов, стараясь еще раз представить себе, что случилось с Горюновым. Почему отказал мотор? Жив ли Саша?

«Азии» было сообщено, что к указанному квадрату выезжает аварийная бригада.

В команду эту подобрались своего рода любители, народ бойкий, видавший виды: инженеры и техники, специалисты по моторам, по всем видам крылатых

машин, и отчаянные разведчики, имевшие при себе лыжи и белые халаты зимой, маскировочные комбинезоны летом.

Получив приказ, команда собралась с быстротой пожарников.

Суханов едва успел вскочить в кузов видавшего виды грузовичка. Он много слышал о приключениях «аварийщиков», как их прозвали мотористы, но никого из них не знал. Вначале ехали молча. Потом закурили. Потом разговорились.

— Плохое твое дело, — сказал, затягиваясь папироской и освещая свои обвисшие рыжие усы, один из солдат, — ясно, по неисправности сел самолет... Твоя вина.

— Отчего ж, а может, какая пробоина... Или какая другая причина, от него независимая, — тут же возразил ему другой солдат.

На душе Суханова было так тяжело, что и передать нельзя. Безучастно посматривал он на дрожащий свет ракет, обозначавших передовую, не отворачивая лица от встречного ветра.

Опытный шофер осторожно провел грузовичок к передовым позициям и остановился в овражке, недалеко от командного блиндажа.

Караульный проводил Суханова к пехотному командиру. Офицер внимательно прочитал записку начальника штаба, подсвечивая себе карманным фонариком, и усмехнулся:

— Легко сказать — эвакуировать самолет. А вы знаете, где он уселся? На ничьей земле. Среди минных полей. И местность — ну просто гиблая... Да, впрочем, пойдемте, сами увидите.

Командир подвел моториста к переднему краю позиций. Суханов вместе с ним поднялся в наблюдательное гнездо, устроенное на дереве, и увидел чистое, гладкое пространство замерзшего озера. Несколько островов, покрытых елками. А на том берегу озера — лесистую высоту, занятую противником.

— Внутри высоты — крепость, — шептал ему командир на ухо. — Из глубоких амбразур в нашу сторону направлены пушки... Вся местность вокруг простреливается... И надо же ему было в таком месте сесть... Ничья земля, — указал командир на замерзшее озеро, — с островов уползли даже мыши.

Суханов присмотрелся и вздрогнул:

— Самолет!

На льду озера как на ладони сидел самолет, слегка накренившись в одну сторону, словно озябший снегирь. Его тень лежала рядом с ним темным крестом.

Все вокруг было залито сильным лунным светом. Снег сиял и переливался синими огоньками.

Среди этой спокойной глади выделялись какие- то угловатые бугорки.

— А это что?

— Убитые лежат...

Командир подал Суханову бинокль.

— А вон — белая лошадь... Это фашисты пытались увезти самолет. Прорыли снежную траншею да и крались из-за островка. А лошадей, окрашенных в белый цвет, на поводу вели. Мы и ударили. Одна — копыта кверху. Сама белая, а копыта не покрашены. Хорошо видно... Очень трудно будет подкрасться... Уж лучше бы уничтожить его... Всего два выстрела вот из этого орудия. — Командир погладил стальной белый надульник замаскированной пушки.

Мгновенно рядом выросли артиллеристы.

— Постойте, — прошептал Суханов, — у нас есть свой план. За Сухановым, как белые тени, ходили всюду два разведчика. Они откинули марлевые забрала, и он видел то темное лицо одного, то заиндевевшие усы другого.

— Ночь светла... цыган лошадь не украдет, а вы самолет думаете утащить... Да разве это можно!

— Можно, но трудно, — вздохнул усатый.

— Трудно, но можно, — добавил смуглолицый.

— Конечно, попытка не пытка, — согласился пехотный командир и пообещал поддержать огнем.

Договорились, что пехотинцы помогут разведчикам миновать передний край и обойти минированные поля.

У разведчиков оказались при себе бинокли, и они долго молча осматривали окрестность.

Смотрел в сильный командирский бинокль и Суханов.

На озере, открытом всем ветрам, стоял одинокий самолет. На него глядело

множество глаз с той и с другой стороны. На него были наведены стволы пушек. Стоило показаться около него людям, стоило самолету пошевелиться, — вихри огня и железа смели бы и людей, и самолет, как сор.

И все-таки Суханов надеялся его украсть.

Разведчики прониклись его желанием. Они обрядили Суханова в белый халат, взятый у кого- то из товарищей, глубоко надвинули ему на глаза стальную каску, выкрашенную в белый цвет.

Они научили моториста, как лучше ползти, как затаиваться, как объясняться знаками. Спросили, вытерпит ли он, не крикнет ли, если ранят, не простужен ли он, не бывает ли у него кашля. Они узнали, как его зовут, и сказали свои имена. Усатый оказался Петром Петровичем Веселовым, а смуглолицый носил фамилию Дежнев.

Наконец все было готово, и разведчики поползли.

Долго ползли.

Суханов потерял ощущение времени, словно и оно остановилось в ожидании.

Разведчики ползли все медленней, подолгу затаиваясь и прислушиваясь. Они держали путь на маленький островок, покрытый несколькими елками, находившийся недалеко от самолета.

Вдруг раздался шепот Дежнева:

— Стой! Тсс...

Суханов увидел перед собой рыжий носок унта, торчавший из снега.

Сердце его замерло, это была знакомая обувь...

...Сколько раз поддерживал он этот носок, помогая летчику забираться в кабину самолета. Суханов онемело смотрел, как разведчики, навалившись на Горюнова, зажимают ему рог ладонями.

Он чуть не закричал, не в силах понять, что это значит. А через минуту моторист и летчик лежали обнявшись и жарко шептались:

— Как же ты уцелел?

— И сам не знаю...

Суханов увидел, что лицо летчика черно от масла.

— Пуля пробила маслопровод? — спросил он шепотом.

Горюнов кивнул головой.

Разведчики лежали рядом, посасывая снег и прислушиваясь, не ползет ли кто с той стороны.

Среди ночи от Балтики подул сырой ветер. Набежало облако и закрыло луну. Посыпался густой снег и на какие-то минуты скрыл и лес, и озеро.

За первым снежным облаком набежало второе.

— Жора, — прошептал Горюнов, — если бы починить маслопроводку и завести мотор, я бы смог отрулить за большой остров, а там взлететь...

— Если бы самолет затащить хоть на этот островок, мы бы его замаскировали белым пологом и ветвями, — прошептал Суханов.

— Попробуй его шевельни...

— Да... А что, если островок перетащить к самолету! Взять все эти елки и перетащить...

— Как ты сказал?

Суханов помолчал.

— Это очень даже просто: сразу все елки снять и воткнуть вокруг самолета... А его затянуть пологом, и со стороны противника будет похоже на островок...

— Им покажется, что самолет исчез, а остров на месте? — Горюнов сначала усомнился. Но вскоре он уже подсчитывал елки, прикидывал в уме расстояние от островка до самолета и представлял его внешний вид со стороны фашистов.

Скоро рискованный план был продуман во всех деталях.

Выслушав его, разведчики молча принялись действовать. Веселов уполз за маскировочным полотном. Суханов с Дежневым подрылись к елкам и начали их подрезать. Елок оказалось всего восемнадцать штук. Семь средних и одиннадцать совсем маленьких, но с густыми ветвями.

Приготовив елки так, чтоб они сломались от легкого нажима, вернулись к самолету, прокладывая под снегом норы.

Пришлось подождать Веселова. Когда он явился, притащив с собой маскировочный полог, они оползли самолет и расстелили полог, присыпав его по краям снегом.

И вот набежало новое облако. Все вокруг потемнело. Снег посыпался обильно и шумно, сухой, крупный.

Не сговариваясь, Суханов и Горюнов поднялись, сломали как можно больше елок и бросились к самолету. Навстречу им промчались, как тени, в своих белых халатах разведчики.

Елки ломались с легким хрустом и переносились к самолету, словно по воздуху. Суханов и Горюнов с кошачьей ловкостью взобрались на самолет и натягивали на него тонкое полотнище, стараясь не застучать, не заскрипеть.

Это были опаснейшие минуты. Облако могло пронестись слишком быстро и открыть подвижной белесый занавес снегопада раньше, чем станет на место необычайная декорация...

Две-три елки, оставшиеся на своем месте, стоили бы жизни всем четырем людям.

Но разведчики действовали быстро и точно. Когда облако пронеслось и луна щедро озарила озеро своим холодным сиянием, они уже лежали под белым пологом, держа в руках последние елки.

Теперь все зависело от того, насколько искусственный остров похож на настоящий.

С вражеской стороны возник ослепительный сноп света. Прожектор... Сейчас же по нему ударили паши пушки. Прожектор погас. Заговорили фашистские орудия. Началась артиллерийская дуэль.

Четыре человека облегченно вздохнули. Теперь хоть стучи, хоть смейся — не услышат. Над тонким брезентом с надрывным стоном пролетали снаряды.

На земле с дребезгом рвались мины. Гулко трескались расколотые деревья, и глухо ухал взорванный лед. Вся ночь наполнилась таким хаосом диких звуков, что оглушенные разведчики стали громко разговаривать.

Суханов, забравшись на мотор, забыл обо всем остальном. После долгой возни он вскрикнул от радости и показал Горюнову пулю — виновницу его вынужденной посадки. Суханов подносил ее к глазам и рассматривал эту приплющенную пулю с восторгом, с каким ребенок рассматривает вырванный

больной зуб.

Разведчикам казалось, что моторист и летчик работают слишком медленно. Ведь скоро рассвет, и тогда вся хитрая проделка может раскрыться.

— Ну как, машина-то к утру взлетит?

— К утру взлетит, — весело ответил Суханов.

Разведчики поняли, что ремонт раньше утра

не кончится. Им тоже нашлась работа. Пришлось еще раз сползать к своим и притащить термосы с горячим маслом, которые привезла аварийная команда.

Таща за собой термосы, разведчики проделали в снегу две глубокие полосы. И недаром. Они пригодились.

Ремонт был закончен действительно к утру. Когда стала на место последняя трубка, Суханов стал прогревать мотор, поливая его горячим маслом.

Рассвет поднялся над лесом, озаряя полнеба. По ничьей земле пошли розовые блики. Порозовел снег, порозовели восковые лица убитых.

С вражеской стороны посмотрели и не увидели самолета.

И остров стоял на месте, и убитая лошадь лежала, как прежде. А самолета не было. Две широкие полосы тянулись к лесу.

Значит, самолет утащили, несмотря на заградительный огонь, обманув бдительность наблюдателей.

Досада охватила фашистских артиллеристов. Грохнул залп четырехорудийной батареи, и в том месте, куда уводил след, взлетели вверх деревья с корнями и ветвями, поднятые четырьмя смерчами. Фашистские артиллеристы с полчаса молотили по пустому месту.

А под брезентом ликовали разведчики.

Самолет был готов. Залезая в кабину, Горюнов приказал разведчикам уходить. Они бросились в снег и поползли быстро, как белые ящерицы. А Суханов раскручивал винт.

— Контакт!

— Есть контакт!

Это пришлось проделать раз десять.

Наконец мотор фыркнул, как застоявшийся конь, самолет задрожал, ожил, зашевелил закрылками, готовый взлететь...

— Ну, Саша, прощай! — закричал Суханов.

— А ты? — спросил его жестом Горюнов.

— А я и пешой не отстану!

Суханов, отвернувшись от вихрей, поднятых пропеллером, довольно отирал пот и не замечал самого страшного...

Потоки воздуха сорвали маскировочный полог и начали валить елки... Они падали одна за другой и открывали оживший самолет и плотную фигуру моториста...

Ближайший вражеский пулеметчик застрочил из пулемета.

Суханова словно обожгло.

Две пули попали в живот. Он согнулся пополам и сел в снег.

За ревом мотора Горюнов не слышал стрельбы. Трогая с места, он выглянул из кабины и хотел помахать на прощание рукой товарищу, но увидел бледное лицо моториста.

— Что с тобой? Жора, ты ранен? — закричал Горюнов.

Суханов махнул рукой.

Горюнов все понял. Он выскочил из машины, подсадил Суханова в самолет. Громоздкий моторист заполнил тесную кабину, рассчитанную только на одного. Второму втиснуться было невозможно. Тогда Горюнов сбросил с себя комбинезон, сел к мотористу на колени и, крикнув:

— Жора, обними крепче! — порулил по озеру зигзагами, увиливая от пуль и снарядов противника.

А когда мотор достаточно разогрелся, пошел на взлет. Друзей окутал снежный вихрь, самолет рванулся вперед, быстро набирая скорость, и, взлетев, поднял тучи снежной пыли, как заночевавший в снегу тетерев. Его чудесное появление видели с той и с другой стороны. На наших позициях это вызвало смех и восторг. Противник увидел, как его обидно обманули, и обрушил на место

взлета весь свой гнев. Черные столбы разрывов затанцевали там, где стоял самолет.

...В это зимнее утро, лишь только рассвело, мотористы проводили истребителей в очередной боевой вылет.

Наступил срок возвращения, и они, как всегда, высыпали на аэродром. После обычного ожидания опять раздался крик:

— Летят, летят!

Показались самолеты. Мотористы быстро пересчитали их.

— Девять! — крикнул кто-то. — Все дома!

И вдруг показался десятый самолет.

— Смотрите, один лишний!

Зенитчики сразу направили на него дула своих пушек и пулеметов — не чужой ли?

Не делая положенного круга, он спустился на аэродром и подрулил к линейке. Из самолета выскочил Горюнов в одной гимнастерке и бросился прямо в палатку мимо удивленных бойцов.

— Я замерзаю, — крикнул он, — а там Жора!

Мотористы подбежали к самолету. В кабине чернел полушубок Суханова.

— Жора! — закричал Чалкин. — Это ты, Жора?

Суханов не отзывался.

Толпа окружила машину.

Подсаживая друг друга, мотористы полезли в кабину, и вдруг Чалкин крикнул:

— Носилки!

Возвращение своего брата Валя почуяла сердцем. В это утро она возилась на кухне, помогая повару, и все пела. Вышла на крыльцо, увидела лишний самолет в воздухе и бросилась на аэродром, как была, в гимнастерке.

В это время из кухни вышел повар, неся термосы, наполненные кофе и какао. Под мышкой он тащил полушубок для Вали. Поставив термосы на салазки, сказал:

— Ты где же, канареечка? На аэродроме ждут горячий завтрак.

Но Валя, забыв про свои обязанности, бежала налегке к аэродрому. За поворотом дороги перед ней открылось лесное озеро, все испещренное следами лыж.

Бойцы стартовой команды затаскивали в гнездо самолет ее брата. Она чуть не закричала «ура» от радости. Вдруг ноги ее подкосились, и она села прямо в снег. Навстречу санитары тащили носилки. В них лежал кто-то, накрытый с головой меховым одеялом. Бледная Вера Ивановна шла рядом.

«Саша?» — пронеслось в мозгу.

Но в это время сам Сашка, живой и задорный, подскочил к ней, лохматый, как медвежонок, в своих великоватых унтах и меховом комбинезоне. И, не стесняясь людей, обнял ее.

— А кто же это? — спросила Валя, не в силах оторвать глаз от носилок.

— Да Суханов же, раненый, — крикнул ей, как глухой, в ухо ее брат, — и как мы прилетели вдвоем, чудо! Я на коленях у него сидел, как маленький... Ты понимаешь...

Не дослушав его сбивчивых слов, Валя подбежала к раненому и откинула с его лица одеяло.

— Жора, это я, Валя... Тебе трудно? Ты сильно ранен?

— Да... шальная пуля... Иду на вынужденную посадку, — попытался улыбнуться Суханов. — На вот тебе на память... — Он разжал руку, и из нее выпала кривая поцарапанная пуля, подбившая самолет.

— Валя, он тяжело ранен, не беспокой его, — отвела девушку Вера Ивановна. — Пошли, — скомандовала она бойцам.

Носилки тронулись.

Брат обнял Валю за плечи. Они стояли и смотрели вслед удалявшемуся Суханову, сдерживаясь, чтобы не заплакать. И Горюнов сказал сестре:

— У каждого летчика есть свой ангел-хранитель, его верный моторист... У меня

— Суханов. Железный ангел!